

СЕКРЕТ ПОЛИТИКА

ПРИЛЕТИТ ВДРУГ ВОЛШЕБНИК

ИТОГОВ избирательной кампании по выборам главы Приангарья избиратели Иркутской области ждали на две недели дольше, чем в 20 других регионах, где 13 сентября выбирали губернаторов. Тем интереснее было нам говорить с читателями о надеждах, которые они возлагают на будущего губернатора. Представители общественности, бизнеса, СМИ обратили нас на вопрос: «Чего вы ждете от губернатора?»

Елена Палютина, руководитель агентства «Бендикампус»:

— Уже давно я жду от властей региона и областного центра, чтобы они нашли в себе силы объединить вокруг себя общество и в первую очередь элиту, включая бизнес. Это необходимо для движения вперед во всех сферах жизни.

Хочется, чтобы губернатор по-настоящему включился в решение проблем региона, а не собственных задач. Очевидно, что нам нужно готовиться к большой работе, потому что если мы сейчас не будем действовать, то мы можем так отстать, что догнать ситуацию будет невозможно.

Я хочу видеть в делах губернатора искреннюю заботу о малой родине. У Иркутска есть шансы стать городом мира, у области — стать преуспевающим регионом. В Иркутске есть мощные культурная и интеллектуальная составляющие, но пока у городских властей никак не получается ими воспользоваться.

Ольга Гордина, руководитель проекта «Народная школа»:

— Во-первых, я жду, что губернатором станет человек, который будет «болеть» за регион, а свой пост станет воспринимать как шанс сделать что-то для области. И глава Приангарья будет доказывать эту позицию делом, не пытаясь решать свои проблемы или близких родственников. Во-вторых, надеюсь, что губернатор соберет вокруг себя команду, состоящую из людей открытых к диалогу, доступных простым гражданам. Хочется, чтобы получили поддержку проекты, сделанные прежде всего для людей. Например, наш проект ни разу не получил областной поддержки, хотя он очень нужен людям.

Очень важно, на мой взгляд, чтобы глава области мыслил современно, перспективно и в интересах народа.

Александр Верхошин, интернет-маркетолог:

— На самом деле я давно уже не жду от властей в России чего-то особенного, стараюсь делать то, на что способен, и ни на кого не рассчитывать. Это моя принципиальная позиция. Отчасти сформировалась она потому, что часто мы наблюдаем ситуацию никому не нужного противостояния. Многие наверняка помнят битву нашего губернатора Тишанина со спикером регионального парламента, которую в народе окрестили «Чужой против хищника», по названию вышедшего тогда в прокат фильма. Так вот, тизер (рекламное сообщение, представленное в виде загадки. — Прим. ред.) той картины звучал примерно так: «Человечество проигрывает в любом случае».

Тем не менее, если представить, что мои пожелания могут быть услышаны, то сказал бы следующее: я жду вменяемой команды, которая будет нацелена на результат сделать нашу жизнь лучше. Если будет работоспособная команда, которая сможет договариваться наверху, в Москве, и здесь, на месте, выигрывает вся область. Работая в разных сферах, я увидел кучу неразрешимых проблем в малом бизнесе. Его представители даже не ждут, чтобы им помогли, они хотят, чтобы их хотя бы не мешали.

Кто бы ни стал губернатором, хотелось бы, чтоб он смог реализовать идею постройки нового музыкального зала, о котором говорилось на фестивале «Звезды на Байкале». Также хочется, чтобы у новой власти имелась ориентация на гуманитарную часть общества, поддерживались гуманитарные проекты. Но главное, команда губернатора должна быть нацелена на результат, отличаться добросовестностью и работоспособностью.

Борис Гусев, владелец типографии:

— Мы понимаем, что от губернатора зависит далеко не всё, что он не волшебник. Но на многое глава региона может повлиять, задав нужное направление, расставив эффективных людей на правильные позиции.

Я считаю, что губернатор и мэр, каждый на своем уровне, должны наладить реальный диалог с бизнесом, сформировать соответствующие сообщества, в которые войдут не только крупные, всем известные бренды, но и малые предприятия. Те сообщества, которые есть сейчас, полностью ориентированы на мнения крупных игроков, а остальных участников рынка для них как будто не существует.

Хочется иметь площадку для диалога, где местные предприниматели будут услышаны. Не будем забывать, что малый и средний бизнес дают большое количество рабочих мест, платят налоги. Тем не менее наши интересы не учитываются.

Второе, о чем бы хотелось сказать: область не очень качественно занимается профориентацией молодых кадров. Зачем нам такое огромное количество юристов и экономистов? Чего мы добьемся в экономике, если специалистов во многих областях просто нет? Многие сетуют, что лучшие кадры уезжают в Москву, но ведь это закономерность: значит, здесь нет условий, нет достойной оплаты.

Третье. Сейчас многие полномочия передали на областной уровень, частично даже налоговое регулирование. Почему в кризис поддержка оказывается крупным предприятиям типа Роснефти и Газпрома? Они выстоят и так, но вот малые предприятия рассыпаются под давлением обстоятельств. Можно предусмотреть какую-то помощь малому бизнесу в тяжелый период, к примеру налоговые каникулы.

Очень ждем от губернатора повышенного внимания к вопросам туризма и экологии. На мой взгляд, многое запущено.

Ну и последнее: надеемся, что нехорошая традиция враждовать с мэром областного центра не возродится. Вроде она сейчас нарушена, мэр благополучно сотрудничает с областным правительством, что многим очень импонирует.

Сергей Бредихин, выпускающий редактор ИА «Байкал 24»:

— Жду от нового губернатора открытости перед прессой и обществом, чтобы из практики работы пресс-службы исчезло понятие «неудобные вопросы», чтобы было меньше поводов для сомнений в честности главы региона и чиновников его правительства.

Жду прекращения охаживания предшественников и окончания войн так называемой элиты, в которых всегда участвовала региональная власть. Всех денег не заработаешь и даже не украдешь, а проекты, которые могут серьезно улучшить положение жителей региона, из-за этих войн остаются нереализованными.

Ожидая, что решение экономических и социальных проблем региона будет результатом планомерной и повседневной работы, а не актом «героизма» или некими «историческими достижениями».

За язык тянула Екатерина Григорова

Антикварный мир Александра Снарского

Начало на стр. 1

— А откуда появляются редкие вещи? Всплывают из частных коллекций?

— Как правило, да. Есть же давний закон: отец собирает коллекцию, сын хранит, внук продает. Бывает, что третьего поколения и не доходит: сын или супруга после ухода из жизни коллекционера собрание продают. Мы вначале не очень верили в этот «закон», но за долгие годы получили несметное число подтверждений его верности.

— Расскажите подробнее про волны вывоза старинных вещей из Иркутска.

— Так скажем, первая волна вывоза ценностей не только из Иркутска, а в целом из провинции прошла в 1960-е годы. Приезжали дельцы, шерстили по деревням, покупали самое ценное, что могли найти. Но знаний у этих деятелей было немного, и некоторые, к примеру, сибирские иконы они пропустили в силу некомпетентности.

Потом начался бум по живописи. Ленинградские и московские коллекционеры приезжали в Иркутск и покупали картины дореволюционных художников. Параллельно с этим волнами вывоза ценностей шла музейная работа: что-то покупало музейщиками, что-то поступало в дар от коллекционеров в собрания музеев.

А в 1990-е годы в массовом порядке уникальные предметы искусства уплывали за рубеж. Но начал формироваться новый пласт коллекционеров, поэтому в 2000-е годы пошел обратный процесс. Состоятельные граждане начали выкупать известные коллекции и работы русских мастеров и возвращать их обратно в Россию.

Безусловно, разрушительным был период Второй мировой войны. Тогда были вывезены или уничтожены величайшие произведения искусства. Немало старинной мебели пустили на дрова.

— У нас в России современно нет винтажной одежды, вещи довоенного периода просто из-за нищеты люди по многу раз перешивали.

— Текстиль — это вообще специфическая вещь для коллекционирования. Его сложно сохранить. Сейчас старинный подлинный русский национальный костюм найти практически невозможно. Вот старообрядцы, поскольку живут достаточно изолированно, сохранили свои костюмы. К слову, и бурятский старинный костюм сложно отыскать. Можно обнаружить украшения, но не текстиль.

— С чем сейчас приходят граждане к вам как к антиквару?

— Львиная доля звонков и обращений — это предложения приобрести монеты советского периода и малоинтересную медь дореволюционной эпохи. Ну, прибавить сюда регулярные визиты граждан, приобретающих фальшивку. Видимо, появилась крупная партия поддельных монет, недели не проходит, чтобы кто-то к нам не пришел с подобными изделиями.

— Помните, мы беседовали несколько лет назад, и вы рассказывали, что в городе засилье поддельных

Ф а р - ф о р о в ы с к у л ь п т у р о к Г а р д н е р а. П о т о м б ы л в а л п о д д е л ь н ы х о р д е н о в и м е д а л ь В е л и к о й О т ч е т в е н н о й в о й н ы. Т е п ь е р ь, з н а ч и т, м о н е т ы в ы ш л и н а п е р в о е м е с т о...

— Вы еще забыли период подделки икон. В 1990-е народ вспомнил о церкви и захотелось многим дома иметь настоящую икону. Спрос породил кучу подделок. Тут и средства массовой информации — четвертая власть — сыграли негативную роль. По телевизору регулярно показывали репортажи, как на таможенные изымали ценные иконы, и горе-эксперты рассказывали, что эти иконы стоят сотни тысяч долларов. После таких «просветительских» сюжетов начались массовые ограбления сельских храмов. Потом к 70-летию Победы вдруг стали проскальзывать в статьях и передачах высказывания, что иногда на ветеранском мундире можно насчитать орденов на несколько тысяч американских «зеленых». И сразу же начались жестокие ограбления стариков-ветеранов, которые в лучшем случае обладали орденом Красной Звезды и рядом юбилейных наград.

Сейчас у нас в центре подделок — русская нумизматика. Граждане «у проверенных людей» покупают якобы старинные монеты на 15–20 тысяч рублей, а на самом деле получают низкой степени художественности подделку. Я выступил на телевидении, разъяснил основные «недочеты» подделок, чтоб даже любитель мог отличить особо бездарные изделия. Наряду с прочим указал, что у фальшивок отсутствует патина. Что вы думаете? После показа сюжета прошло несколько дней, и мне принесли фальшивку с нанесенной на нее патиной!

— Ну, значит, жулики учли замечания, кое-что исправили. Получается, мало шансов в Иркутске найти за бесценную редкую монету.

— Скажем так: шансы есть, но не за бесценно. Люди сейчас имеют доступ к профессиональной литературе, есть Интернет, где можно и самому почитать, и консультацию специалиста получить. Стоит учиться и еще одну вещь: на нумизматике в 1990-е и 2000-е был бум собирательства, так что все интересные вещи давно по частным коллекциям.

— Хорошо. ЛФЗ — популярен, и его активно собирают. Но были же и местные фарфоровые фабрики. У нас, к примеру, был Хайтинский фарфоровый завод (в Мишелевке). Изделия этого завода собирают коллекционеры?

— Мы пытаемся каталогизировать фарфор этой фабрики, но в нашем распоряжении небольшое количество вещей. Прекрасная коллекция есть в фондах Иркутского художественного музея, поступившая в него в начале 2000-х годов, но я не знаю, ведется ли с ней работа. Хотя ходят слухи, что это вновь собранная коллекция, а более ранняя и богатая осела в запасниках центральных музеев еще в советские годы.

— Еще поговаривают, что часть коллекций осела в частных руках и время от времени редкий фарфор всплывает на иркутском рынке.

— Не исключено. В 1990-е годы были такие специалисты, которые целенаправленно разоряли ведомственные музеи. Такая судьба постигла музей нашей чаевозвонной фабрики. Схожая история была с буфаторскими цехами театров, там выуживали редкие предметы мебели, какой-то текстиль. Много антикварных вещей появилось из Иркутска в Москву и Питер, а потом и из страны.

— Как вам удается побороть соблазн и не превратиться из эксперта по антиквариату в коллекционера?

— Я понимаю, что говорить о советском периоде с точки зрения антиквара еще достаточно сложно. Но есть же какие-то перспективные направления коллекционирования?

— Конечно, прежде всего это вещи довоенного периода. В 1920-е и начале 1930-х в живописи и декоративно-прикладном искусстве шел поиск новых форм, новой эстетики. Меня, к примеру, занимают портреты той эпохи с изображением шестерней, молотов, прочих индустриальных мотивов. Безусловно, очень ценится у коллекционеров фарфор, в том числе агитационный. В основном предметом собирательства являются изделия Ленинградского фарфорового завода (ЛФЗ).

В настоящее время существуют каталоги с четким разделением по стоимости изделий советского фарфора. И опять-таки довоенный фарфор гораздо интереснее и дороже. Цена, по сравнению с 1990-ми, на некоторые вещи выросла в разы.

— Правда ли, что при появлении каталога цены на представленные в нем вещи сразу вырастают?

— Никакого коммерческого успеха эти вещи принести не могут. Но в них содержится бесценная историческая информация о людях, живших

— Слово. Даже так могу сказать: это невозможно. И поскольку избежать страсти коллекционирования не удастся, то остается выбрать себе одну сферу и на ней сконцентрироваться. Тогда коллекционирование не вредит делу. Я сейчас занимаюсь иркутскими видовыми открытками и удовлетворяю как свои научно-исторические интересы, так и коллекционерские.

— А что бы вы как коллекционер хотели найти?

— У меня был период жуткого увлечения русской нумизматикой. Мечтал, что принесу мне для оценки какой-то «свадебник» или сестрорецкий рубль. Увлечись филартией, я представлял, как стану обладателем ранее неизвестных в широких кругах открыток об Иркутске. Но взрослея, начинаешь ценить другое. Мечтаешь создать каталог, который бы типологизировал ранее неизвестные открытки. Сейчас в моем распоряжении имеется несколько сотен салонных стеклонегативов иркутского фотографа Дмитрия Николаевича Мамонова. Мечтаю теперь их привести в порядок, отреставрировать, сделать на основе стеклонегативов книгу или каталог, организовать выставку.

Никакого коммерческого успеха эти вещи принести не могут. Но в них содержится бесценная историческая информация о людях, живших

— Это не совсем так. Пока всё бессистемно и собирается по наитию или прихоти, это одно. Только появляется каталог, как сразу становится понятно, какая вещь более редкая, над какой трудились известные мастера. Возникает массовый интерес, проходит аукционы. Так формируется рынок, и им же определяется цена.

— Хорошо. ЛФЗ — популярен, и его активно собирают. Но были же и местные фарфоровые фабрики. У нас, к примеру, был Хайтинский фарфоровый завод (в Мишелевке). Изделия этого завода собирают коллекционеры?

— Мы пытаемся каталогизировать фарфор этой фабрики, но в нашем распоряжении небольшое количество вещей. Прекрасная коллекция есть в фондах Иркутского художественного музея, поступившая в него в начале 2000-х годов, но я не знаю, ведется ли с ней работа. Хотя ходят слухи, что это вновь собранная коллекция, а более ранняя и богатая осела в запасниках центральных музеев еще в советские годы.

— Еще поговаривают, что часть коллекций осела в частных руках и время от времени редкий фарфор всплывает на иркутском рынке.

— Не исключено. В 1990-е годы были такие специалисты, которые целенаправленно разоряли ведомственные музеи. Такая судьба постигла музей нашей чаевозвонной фабрики. Схожая история была с буфаторскими цехами театров, там выуживали редкие предметы мебели, какой-то текстиль. Много антикварных вещей появилось из Иркутска в Москву и Питер, а потом и из страны.

— Как вам удается побороть соблазн и не превратиться из эксперта по антиквариату в коллекционера?

— Я понимаю, что говорить о советском периоде с точки зрения антиквара еще достаточно сложно. Но есть же какие-то перспективные направления коллекционирования? Конечно, прежде всего это вещи довоенного периода. В 1920-е и начале 1930-х в живописи и декоративно-прикладном искусстве шел поиск новых форм, новой эстетики. Меня, к примеру, занимают портреты той эпохи с изображением шестерней, молотов, прочих индустриальных мотивов. Безусловно, очень ценится у коллекционеров фарфор, в том числе агитационный. В основном предметом собирательства являются изделия Ленинградского фарфорового завода (ЛФЗ).

— Эти изображения позволяют посмотреть, какой была реальная иркутская мода в конце XIX века. Текстиль той эпохи не уцелел, но есть фотографии людей, там можно разглядеть, что носили иркутяне более ста лет назад. И это настоящее материальное свидетельство о людях, которых уже нет, и их потомки, возможно, давно покинули Иркутск. Мы не знаем ни имен, ни рода занятий сфотографированных, и всё же это богатейший источник информации о той эпохе.

Я сейчас отнимаю стеклонегативы и если, перепутав, проведу влажной тканью по желатиновому слою, будет уничтожено материальное подтверждение о человеке, который когда-то жил, любил, чувствовал. Поэтому требуется быть очень внимательным, ведь оплошность приведет к утрате частички иркутской истории.

— Вы как-то рассказывали, что случайно стали обладателем ковшина от Тиффани.

— Такие приобретения скорее исключение, чем правило. Тебе приносит вещь, ты ее покупаешь, потом начинаешь изучать и понимаешь, что она гораздо ценнее, чем казалось ранее. Действительно, однажды нам принесли серебряный затертый ковшин. Меня привлек дизайн, купил вещь. Потом стали чистить, реставрировать и обнаружили клеймо Тиффани-старшего. Подобные истории редкость, и они не отражают реального положения дел на антикварном рынке. Знаний у людей всё больше и больше, каталогов много, есть Интернет. Так что некоторое представление о цене на старинную вещь может составить и человек, далекий от антикварного рынка.

— Вы верите в энергетику и судьбу старинных вещей?

— Я православный и чужд суевериям, у нас с этим строго. Но за словами «энергетика», «аура» кроются в общем-то, если перейти на язык музееведения, немистические понятия — информативность, привлекательность, презентативность. В это я, конечно, верю. Есть ли у памятника нематериальная составляющая? Да, конечно. Ты смотришь на награду и представляешь себе бой и его участника-героя. Чем больше знаний о конкретном историческом периоде, связанном с артефактом, тем вышлепее и объемнее возникает картинка. Если ты знаешь историю, то ты прикасаешься к сабле, как к реликвии, если знаний нет, то прикасаешься к куску металла.

— Я спрашивала немного о другом. Как вы думаете, обладание клинком великого воителя делает его нынешнего владельца более значимым, могущественным?

— Когда человек сталкивается с подлинным антикварным предметом, то он чувствует «дыхание истории» и оно оказывает определенное влияние. Но только в том случае, если человек способен почувствовать, во многом такие ощущения могут возникнуть на основе знаний, образования. Если же человек пустой, как барабан, то ничего не поймет и не почувствует. И это, кстати, проблема антикварного рынка и арт-бизнеса — дремучесть потребителя. Помните, как у Шукшина: «Ну, портянки байковые справим». А дальше-то что? В 1990-е годы нам наглядно показали, что дальше: увлечение золотыми цепями и малиновыми пиджаками, дорогими автомобилями и немереными деньгами.

— Ну, последние два пункта актуальны и сейчас.

— Это комплексы, гордынка. Человек становится богатым, и возникают попытки самозащититься. И это беда для него, если нет ничего в душе, способного противостоять искушениям.

— А как можно взрастить способность не поддаваться таким соблазнам?

— Пожалуй, это должно идти из семьи. Базовые ценности закладываются в детстве. Любовь к близким, к своему дому, городу, стране...

Изучая историю Иркутска, читая дореволюционные газеты, сам не замечаешь, как оказываешься в том времени. И ощущения настолько реальные, что когда покидаешь этот книжный мир и выходишь на улицу, немного не веришь, что ты в XXI веке. Прогуливаешься у памятника Александру III по набережной Ангары и вспоминаешь газетные репортажи полторавекковой давности, сюжеты, описывавшие происхождение тогда с жителями. Вот отсюда прыгнула в реку несчастная мать осужденных сыновей-бандитов. Тут мальчик чуть не утонул у моста. Ребенок спас прохоровидый неподалеку мастеровой, а мальец зажал в кулаке данный ему хозяином полтинник и долго кричал, ревя, что монетка утонула: «Полтинник! Хозяин мне дал полтинник!» Потом разжал пальцы и увидел, что деньги целы.

И город раскрывается по-другому. К памятникам и зданиям начинаешь относиться бережнее и внимательнее и мечтаешь таким отношением заразить власть имущих, строителей, горожан. Наверное, здесь нужна «политика малых дел»: всем вместе шаг за шагом прививать любовь к малой родине.

— Вы верите в энергетику и судьбу старинных вещей?

— Я православный и чужд суевериям, у нас с этим строго. Но за словами «энергетика», «аура» кроются в общем-то, если перейти на язык музееведения, немистические понятия — информативность, привлекательность, презентативность. В это я, конечно, верю. Есть ли у памятника нематериальная составляющая? Да, конечно. Ты смотришь на награду и представляешь себе бой и его участника-героя. Чем больше знаний о конкретном историческом периоде, связанном с артефактом, тем вышлепее и объемнее возникает картинка. Если ты знаешь историю, то ты прикасаешься к сабле, как к реликвии, если знаний нет, то прикасаешься к куску металла.

Я сейчас отнимаю стеклонегативы и если, перепутав, проведу влажной тканью по желатиновому слою, будет уничтожено материальное подтверждение о человеке, который когда-то жил, любил, чувствовал. Поэтому требуется быть очень внимательным, ведь оплошность приведет к утрате частички иркутской истории.

— Вы как-то рассказывали, что случайно стали обладателем ковшина от Тиффани.

— Такие приобретения скорее исключение, чем правило. Тебе приносит вещь, ты ее покупаешь, потом начинаешь изучать и понимаешь, что она гораздо ценнее, чем казалось ранее. Действительно, однажды нам принесли серебряный затертый ковшин. Меня привлек дизайн, купил вещь. Потом стали чистить, реставрировать и обнаружили клеймо Тиффани-старшего. Подобные истории редкость, и они не отражают реального положения дел на антикварном рынке. Знаний у людей всё больше и больше, каталогов много, есть Интернет. Так что некоторое представление о цене на старинную вещь может составить и человек, далекий от антикварного рынка.

— Вы верите в энергетику и судьбу старинных вещей?

— Я православный и чужд суевериям, у нас с этим строго. Но за словами «энергетика», «аура» кроются в общем-то, если перейти на язык музееведения, немистические понятия — информативность, привлекательность, презентативность. В это я, конечно, верю. Есть ли у памятника нематериальная составляющая? Да, конечно. Ты смотришь на награду и представляешь себе бой и его участника-героя. Чем больше знаний о конкретном историческом периоде, связанном с артефактом, тем вышлепее и объемнее возникает картинка. Если ты знаешь историю, то ты прикасаешься к сабле, как к реликвии, если знаний нет, то прикасаешься к куску металла.

Беседовала
Алёна Сабирова